

ПАРАМЕТРЫ ОБЩЕСТВА

Д.А. Силичев

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Аннотация. Предметом статьи является исследование процесса формирования новой культурной политики, выступающего составной частью переходного периода российского общества от социализма к капитализму. В ходе исследования показываются проявления и последствия переходного периода в политике, экономике, культуре. Отмечается общее падение культуры, низведение высокой культуры до уровня сферы обслуживания и потребления, деградация морального, эстетического и правового климата в обществе. Анализируется социально-экономический контекст формирования новой культурной политики. Указывается на негативные последствия коммерциализации культуры и искусства. Показывается законодательная основа культурной политики. Раскрываются основные модели культурной политики. Рассматривается культурная политика в отдельных секторах культуры. Особое внимание уделяется анализу партнёрства культуры и бизнеса. Методология исследования опирается на системный подход, позволяющий всестороннее рассмотрение изучаемого объекта, а также на сравнительный анализ культурной политики постсоветской России с культурной политикой предшествующего, советского периода.

Научная новизна статьи в первую очередь связана с тем, что она представляет собой во многом одно из первых исследований, в котором всесторонне и глубоко рассматривается формирование в постсоветской России новой культурной политики. Новизна исследования также обусловлена тем, что оно проводится в широком международном контексте, учитывая и вместе с тем обогащая накопленные в этом плане теоретические наработки. В статье к тому же даётся оригинальное и отчасти новое определение культурной политики. В ходе исследования делается вывод относительно того, что в переходном периоде пока имеется гораздо больше потерь, чем приобретений, а также о том, что в будущем эффективность культурной политики будет зависеть от привлечения к ней новых субъектов, связанных с бизнесом. Завершается статья выводом, что главной опасностью для культуры и искусства является коммерциализация.

Ключевые слова: переходный период; культура; культура и государство; конституция и культура; культурная политика; культура и экономика; коммерциализация культуры; субъект культуры; законодательство и культура; социальное партнерство; культура и бизнес.

Review. The subject of the article is the research of the process of developing new cultural policy which is a component of the transition period of Russian society from socialism to capitalism. The research reveals illustration and consequences of the transition period in policy, economy, and culture. The researcher observes general decline in the cultural level, bringing down of the high level of culture to the level of service sector and consumption, degradation of moral, aesthetic and legal environments in society. Social and economic context of developing a new cultural policy is also analyzed in the article. The negative consequences of culture and art commercialization are given. The legal basis of cultural policy is shown. The basic models of cultural policy are described. The author of the article researches cultural policy in individual sectors of culture. The author also focuses on the analysis of cultural and business partnership. The methodology of the research is based on the systems approach that allows a comprehensive consideration of the object under study and on the comparative analysis of cultural policy of the post-Soviet Russia versus cultural policy of the previous Soviet period. The scientific novelty of the article is caused by the fact that, first of all, the author represents one of the first researches in that field in which the development of the new cultural policy in the post-Soviet Russia is considered comprehensively and profoundly. The scientific novelty is also determined by the fact that the research is conducted in a wide international context considering and at the same time enriching accumulated theoretical groundwork in that field. The author of the article also provides an original and partially new

Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 15-23-21002
«Международные аспекты культурной политики России в постсоветский период»).

definition of cultural policy. The researcher comes to the conclusion that so far the transition period has been causing more losses than benefits and that the efficiency of the cultural policy will depend on the attraction of new business entities. At the end of the article the author concludes that commercialization is the main threat for culture and art.

Key words: *commercialization of culture, culture and economy, cultural policy, Constitution and culture, culture and government, culture, transition period, subject of culture, legislation and culture, social partnership.*

С наступлением 90-х гг. в России начинается решительный и радикальный переход от социализма к капитализму, охвативший все сферы жизни общества: политику, экономику, культуру. В политике он означает переход от режима авторитарно-диктаторского типа к западной демократии. В экономике – переход от плановой к рыночной экономике, основанной на частной собственности и конкуренции. В культуре он предполагает существенное ограничение вмешательства государства в культурную жизнь, отказ и преодоление социалистических идеалов и ценностей, отказ от всякого традиционализма и консерватизма, модернизацию культуры.

Несмотря на то, что переходный период продолжается уже четверть века, ничто не позволяет хоть как-то определить его длительность и возможное завершение. Появление в политике многопартийности, свободы слова, некоторое улучшение системы выборов и некоторые другие явления не дают основания говорить об утверждении демократии западного типа или торжестве правового государства.

В экономике возникшая ситуация оказалась гораздо более сложной. Отказ от жесткого государственного управления и контроля привел не к рынку, «который все решит», но к экономическому произволу и анархии, к обвальному падению производства, дефолту, разгулу инфляции и коррупции. «Экономическая деятельность по законам джунглей в ряде случаев приняла сомнительные, преступные и криминальные формы» [1, с. 159]. Хотя крупная собственность перестала быть народной, государственной и перешла в частные руки узкого слоя олигархов, процесс её передела продолжается, он идёт в режиме нон-стоп. О существовании конкуренции фактически можно говорить лишь условно, поскольку повсюду господствуют разного рода монополии.

Ещё более сложная ситуация сложилась в культуре, социально-культурной сфере и обществе в целом. Здесь произошли глубокие сдвиги и, к сожалению, не в лучшую сторону. Уже в 1991 г. реальные доходы населения снизились в два раза и продолжали падать. По данным ООН в 2007 г. 43 % населения оказались за чертой бедности. Шло быстрое социальное расслоение населения, возникла углубляющаяся пропасть между богатыми и бед-

ными. По числу миллиардеров Россия вышла на второе место в мире. В 1990 г. расходы на питание составляли 28 % семейного бюджета, а в 1995 г. – 52 %. В 1993 г. 4 % семей оценивали своё материальное положение как очень хорошее, а в 1998 г. – 0,2 %; как хорошее – соответственно 39 % и 4 %; как среднее – 42 % и 39 %; как плохое – 17 % и 38 %; как очень плохое – 6 % и 16 % [1, с. 112-113].

Вместе с решительным поворотом экономики к рынку в обществе «обозначился довольно резкий уклон в сторону утилитарного и прагматического начала, произошел перенос центра тяжести в общественном сознании и ориентациях людей из сферы духовной в материальную, в настроении масс явно заявили о себе потребительские ориентиры» [2, с. 368]. Произошел также взрыв криминального поведения, который по-особому проявил себя в невиданном распространении коррупции, что привело к фактическому сращиванию власти и криминалитета.

В обществе наблюдается растущее падение уровня культуры. В 2004 г. министр культуры А.С. Соколов даёт весьма критическую оценку нашей культуре: «Мы имеем довольно низкий культурный уровень основной массы населения, низкую политическую и правовую культуру, нарастающие тенденции в общественном сознании и поведении – социальную маргинализацию, рост ксенофобии, агрессивности, неприятие богатых, плохое отношение к институту частной собственности, но при этом терпимое отношение к неуплате налогов» [3, с. 40]. Он также отмечает, что «по статистике Института искусствознания ежедневно в России гибнет по различным причинам три памятника культуры. Музейные, библиотечные, архивные фонды хранятся в совершенно неподобающих условиях, находятся под угрозой утраты» [3, с. 40].

Под давлением тотального рынка и универсальной рыночной логики культура низводится до статуса обычной сферы обслуживания. Происходит нивелирование высокой культуры до массовой, не требующей для своего освоения определённого образования, воспитания, эстетического опыта. Отчасти этому способствует демократизация, на что обращал внимание Н. Бердяев, полагавший, что культура в условиях демократизации деградирует: «она становится дешевой, доступной,

плоской и пониженной в своем статусе» [4, с. 247]. Культура при этом не осваивается, а присваивается, потребляется как любой другой товар.

Появившиеся в начале 2000-х годов признаки экономической стабилизации не сказались на заметном улучшении эстетического, морального и правового климата в обществе.

Неблагополучное положение культуры во многом объясняется плохим её финансированием. В течение фактически всего переходного периода она не была среди приоритетов социальной политики России и только совсем недавно ситуация несколько изменилась. Её финансирование шло по известному остаточному принципу. По оценке Министерства культуры, сделанной в 2007 г.: «Из федерального бюджета выделяется всего 15 % средств, необходимых для содержания объектов культурного наследия» [5, с. 42]. В 90-е годы (1992-1997) и без того скромные бюджетные ассигнования на культуру сократились на 40 %. Это был наихудший показатель, поскольку сокращение бюджетов других социальных отраслей было меньшим: образование – на 30 %, здравоохранение – на 21 %. Затем последовал дефолт 1998 г. со всеми вытекающими последствиями.

В 2000-е годы картина несколько изменилась: в период 2005-2016 гг. расходы номинально растут, но в реальном выражении они падают. Только в 2015 и 2016 гг. показатель должен превысить уровень расходов 2008 г. В целом к этому моменту доля расходов на культуру в общих расходах бюджета упадет с 1,74 % (2005) до 1,5 % (2015, 2016). Если рассматривать долю расходов на культуру по отношению к ВВП, то она поднимется с 0,35 % (2005) до 0,55 (2015-2016). Однако это ниже большинства стран ОЭСР: ниже, чем в Эстонии в 2 раза, Словении – в 1,8, в Нидерландах – в 1,6, во Франции и Дании – в 1,4, но выше, чем в Германии (на 0,1), Болгарии (на 0,2), Великобритании (на 0,22) и Греции (на 0,29). Если сравнивать по показателю расходов на душу населения, что считается более адекватным, то тогда: средний показатель по ОЭСР (в евро) – 245,74 (2005), 240,78 (2012); в России – выше только Греции: 25,78/23,42 (2005) и Болгарии – 11,85 (2005) – 23,55 (2012) [5, с. 14-15].

В целом можно считать, что потеря пока гораздо больше, чем приобретений. Особенно это касается 90-х годов, которые правящая элита называет «лихими девяностыми», хотя такое определение представляется слишком политкорректным. В начале 2000-х годов в одном западном журнале вышла статья, посвященная состоянию дел в России и озаглавленная: «Десять лет впустую?». По отно-

шению к прошедшему десятилетии поставленный вопрос был риторическим, но в статье развивается мысль о том, что новое десятилетие может оказаться таким же. К счастью, этого не произошло. Россия, опустившись в 90-е годы по ВВП со второго места в мире на четырнадцатое, поднялась затем на пятое место.

Таков был социально-экономический контекст, в котором формировалась культурная политика новой России. Законодательная основа формирования культурной политики страны заложена в Конституции Российской Федерации, где государством гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества и преподавания; свобода массовой информации; право на участие в культурной жизни, в пользовании учреждениями культуры, право на доступ к культурным ценностям. Интеллектуальная собственность охраняется законом [6, с. 27, ст. 44].

Основной закон не только наделяет граждан гарантиями и правами в культурной жизни, но и устанавливает их обязанности по охране ими исторического и культурного наследия, бережном их отношении к памятникам истории и культуры [6, с. 27, ст. 44]. Основами законодательства Российской Федерации о культуре признается основополагающая роль культуры в развитии и самореализации личности, самобытности народов, утверждении их достоинства. Отмечается неразрывная связь создания и сохранения культурных ценностей, приобщение к ним всех граждан, с социально-экономическим прогрессом, развитием демократии, укреплением целостности и суверенитета Российской Федерации, выражено стремление к межнациональному культурному сотрудничеству и интеграции отечественной культуры в мировую культуру [7, с. 7-9, ст. 8-19].

Культурную политику можно определить как целостный процесс организации и управления всеми видами культурной деятельности, опирающийся на определённую концепцию культуры и искусства. Главным субъектом культурной политики чаще всего и больше всего выступает государство, основными целями и задачами которого является сохранение исторического и культурного наследия; воспроизводство и развитие культуры и искусства; обеспечение равного для всех доступа к культуре и участия в культурной деятельности; социальная, финансовая, административная, юридическая и иная защита художников; поддержка художественного и культурного образования; поощрение сотрудничества с негосударственными партнерами и т.д.

В западных странах на данный момент существуют две основные модели культурной политики, которые во многом являются противоположными: модели Франции и США. Французская культурная политика, в своем завершенном виде, сложилась относительно недавно, в середине прошлого века, когда впервые возникает министерство культуры, которое действительно охватывает практически все, что связано с культурой и культурной деятельностью.

Американская модель покоится на иных, во многом противоположных принципах. Она отвергает вмешательство государства в организацию и управление культурой, ибо оно якобы сковывает всякую инициативу, гасит творческое вдохновение, требует лишних расходов. В Америке нет министерства культуры или другого ведомства, которое занималось бы делами культуры на федеральном уровне. Этим занимаются штаты и города. Некоторые американцы полагают, что в США вообще нет никакой культурной политики, однако это далеко не так: понятие «мягкой силы» ввели американцы. Остальные западные страны в плане культурной политики находятся между Францией и США.

Россия (царская и советская) до начала 90-х гг. в целом придерживалась французской модели. Теперь ситуация несколько изменилась, она стала менее определённой.

Группа экспертов Комитета по культуре Совета Европы выдвинула четыре типа или модели культурной политики, отличающиеся между собой ролью государства в культурной жизни, три из которых известны: американская, германская, английская (и близкая к ней скандинавская). Четвёртая модель во многом перекликается с французской, хотя она таковой не называется. Эта модель покоится «на существовании сильной администрации», «центрального органа», что сближает её с нашим Министерством культуры. Вместе с тем между ними имеются существенные различия: «Министерство культуры скорее унаследовано от прошлого, нежели повернуто к будущему» [1, с. 193]. Эксперты предлагают «создать администрацию современную, а не архаичную, активную, а не директивную, открытую миру, а не замкнутую на нескольких организациях-маяках» [1, с. 193]. Поэтому они предлагают России сменить название министерства, четко обозначив разрыв с прошлым. Эксперты рекомендуют не спешить с реформой, поскольку это «требует длительной, терпеливой работы по согласованию интересов всех партнеров» [1, с. 193].

Е.Ю. Сидоров, бывший министр культуры (1992-1997) и бывший посол России при ЮНЕСКО

(2002-2004), выдвигает три возможных модели развития отечественной культуры и соответствующей культурной политики. Первая предполагает «победу культурного и политического консерватизма, попытку стабилизировать ситуацию на основе идей о самобытности России и о её особом пути в истории» [8, с. 106].

Он считает, что это будет означать неизбежный возврат к огосударствлению культуры, приоритетную поддержку культурного наследия и традиционных форм творчества, тогда как иностранное влияние будет всячески сдерживаться. Отечественная художественная классика, по его мнению, останется предметом культа, а какие-либо эстетические новации будут вызывать подозрения. В таких условиях свобода маневра для культурной политики станет крайне ограниченной. И тогда ничего не остаётся, кроме как с помощью грантов поощрять нетрадиционные художественные поиски, а также предлагать льготные условия для некоторых перспективных находок коммерческой культуры.

Вторая модель допускает, что «под воздействием извне Россия интегрируется в мировую систему и хозяйства, и культуры, превращаясь в своего рода провинцию по отношению к глобальным центрам» [8, с. 106]. В данном случае, отмечает автор, доминирующей выступает культура Макдональда и кока-колы, американских фильмов и шоу, а также японских теле-игр. С помощью коммерческой саморегуляции культурная жизнь стабилизируется, а роль государства при этом сводится к минимуму.

И тогда ключевыми проблемами оказываются сохранение самобытности российской культуры и её международного влияния, чего можно будет достигнуть благодаря поддержке народных промыслов с помощью создания для них льготных условий коммерциализации, а также поощрение классических форм творчества и широкого развития культурного туризма.

Наконец, третья модель заключается в следующем: «Россия... ещё может интегрироваться в систему общечеловеческой культуры не в роли «бедного родственника», а в качестве равноправного участника мировых художественных процессов. Это потребует использования не столько экономического и военного, сколько, в первую очередь, культурного потенциала страны и коренной переориентации государственной культурной политики» [8, с. 107]. Автор считает, что приоритет внутри страны следует отдать высшим образцам глобальной массовой культуры и ускоренному развитию отечественной культурной индустрии, всячески способствуя включению творческих работников

во всемирные сети художественного производства и коммуникации.

Следует отметить, что изложенная концепция Е.Ю. Сидорова фактически является не только авторской, но и официальной, поскольку она включена в Национальный доклад «Культурная политика России» (1998), подготовленный группой ведущих российских специалистов в рамках программы Совета Европы, членом которого Россия стала в 1996 г., по анализу культурной политики в европейских странах и опубликованный в Страсбурге в 1998 г. на английском и французском языках. Вместе с тем Доклад был обсужден на заседании Комитета по культуре Совета Европы.

Из трех возможных моделей сам автор, Е.Ю. Сидоров, отдаёт предпочтение последней, но отмечает, что вероятность её осуществления пока представляется весьма утопической. Тем не менее, именно её следует всячески поддерживать, поскольку она ориентирована на культуру, способную оказывать активное влияние на политику и экономику. Опять же только она позволяет восстановить управление культурой в целом. Первая модель, полагает автор, по своей природе является недолговечной и потому неизбежно приведет к новому кризису, однако в условиях России она вполне может победить и довольно долго просуществовать – 50 или даже 100 лет.

Концепция Е. Сидорова представляется довольно противоречивой. С одной стороны он не сомневается в достоинствах отечественной культуры, «высшие достижения которой известны всему миру». С другой стороны он пишет о том, что России ещё только предстоит интегрироваться в общечеловеческую культуру. Указывая на возросшую угрозу для нашей культуры, он уточняет, что она исходит, прежде всего, от коммерциализации культурных процессов. В то же время он считает, что бороться против неё бессмысленно, ибо, как показывает мировой и отечественный опыт, коммерциализация все равно побеждает. Культурная политика может лишь сглаживать и смягчать её отрицательные последствия. Е. Сидоров выступает против «худших образцов масскульты» и в то же время возвышает культурную индустрию, которая производит далеко не всегда лучшие образцы. Он называет третью модель утопической, но в действительности именно эта модель, ориентированная на глобальную массовую культуру и развитие культурной индустрии, осуществлялась в России до последнего времени.

Анализ реальной культурной политики применительно к отдельным секторам культуры показывает, что все они находились примерно в одинаковых условиях, но их судьба сложилась по-разному.

Самые тяжелые потери в переходный период понес кинематограф. В советское время рынка не было, но кино было сверхприбыльным. Доходов от кино хватало на то, чтобы снимать такие дорогостоящие фильмы, как «Война и мир» С. Бондарчука, который обошелся в 100 млн. долларов. Их также хватало на то, чтобы платить зарплату тем, кого сегодня называют бюджетниками (врачи, учителя), а также работникам неприбыльных секторов культуры и искусства (театры, филармонии). Союз кинематографистов был самой богатой общественной организацией, имевшей свои творческие дома, санатории, дома отдыха.

Примечательно, что сами члены союза кинематографистов, молодые радикалы-реформаторы разработали в середине 80-х годов и настояли на внедрении новой модели кинематографа, отвергающей государственное управление и опирающейся на рынок. Однако на практике все получилось совсем не так, как уверяли радикалы-реформаторы. В 80-е годы имел место последний и самый яркий взлет производства художественных фильмов: с 86 в 1985 г. до 375 в 1991 г. Затем последовало обвальное падение выпуска фильмов: в 1991 г. – 375, в 1992 г. – 178, в 1993 г. – 137, в 1994 г. – 74, в 1995 г. – 51, в 1996 – 30 [1, с. 68]. В 1997 г. число созданных фильмов поднялось до 56, хотя был секвестр, но в следующем году опять падение (был дефолт), и такое волнообразное колебание сохраняется. В 1995 г. на киносеансах московских кинотеатров наши фильмы составляли только 8 %, американские – 73 %, французские – 6 % [1, с. 68]. Нередко доля американских фильмов в нашем кинопрокате доходила до 95 % и даже более.

В советское время число кинозрителей достигало 4 млрд. в год. В 90-е годы произошло обвальное падение количества зрителей: в 1991 г. было 2,5 млрд., в 1992 – 670 млн., в 1993 – 370 млн., в 1994 – 280 млн. [1, с. 102]. Значительно сократилось число кинотеатров, показывающих кинофильмы, многие из которых нуждаются в серьезной модернизации. Некоторые из них сдаются в аренду для чтения лекций студентам или для продажи мебели и автомобилей.

Предпринятые серьезные попытки изменить сложившееся положение мало что дали. В частности, был принят Федеральный закон «О государственной поддержке кинематографа Российской Федерации» (1996), согласно которому устанавливалась минимальная доля ассигнований на кинематографию в расходах федерального бюджета (0,2 %), а также льготы на НДС и на прибыль организаций кинематографии, таможенные льготы, льготы по оплате коммунальных услуг, почтовой,

телеграфной и телефонной связи, отмена арендной платы за землю, предоставление кредитов на производство, тиражирование и прокат российских фильмов на льготных условиях. Однако объявленные меры выполнялись либо в урезанном виде, либо остались нереализованными.

Основная же причина катастрофы кино заключается в том, что наш кинопрокат находится под американским контролем. Там, где господствует американский рынок, другому рынку места нет. У США в этом плане имеется богатый опыт. В 80-е годы Южная Корея производила примерно 100 преимущественно национальных фильмов в год. После отказа в 1988 г. от государственного регулирования кинорынка ситуация резко изменилась: через 10 лет страна уже импортирует порядка 230 американских фильмов, а своих производит менее 50. То же самое произошло с Гонконгом: его киноиндустрия не выдержала конкуренции с Голливудом. Уже давно во всем мире из каждых 10 продаваемых в кино билетов 8 продаются на американские фильмы. Только Индия имеет свой успешный кинематограф, как и свою национальную музыку. В Европе только Франции ещё удаётся защитить свой независимый национальный кинематограф.

В нашей ситуации требуется уже не сохранять, а спасти творческий потенциал российской киноиндустрии. Умеренный протекционизм не избавляет от глубокого кризиса. «Без государственной поддержки у отечественного кинематографа нет шансов на выживание» [1, с. 69].

Достаточно сложной и острой представляется современная ситуация с изданием и чтением книг, хотя, возможно, не до такой степени, как с кино. В 1960-80-е годы Советский Союз переживал настоящий книжный и читательский бум. Советский народ называли «читающим». Чтение книг было не развлечением, а интеллектуальным занятием, причем занятием любимым и престижным. Также престижным считалось иметь домашнюю библиотеку. Только 9,8 % населения отказывалось от библиотеки, что, в общем, иногда воспринималось даже неприличным. Средний объём домашней библиотеки составлял 325 книг, из них 22,3 % содержали более 500 книг. Книга действительно была лучшим подарком.

Издавались книги высокого качества – литературная классика, причем даже огромные тиражи не удовлетворяли читательского спроса. В качестве примера можно указать на «Библиотеку всемирной литературы» (БВЛ), изданную в 1967-1977 гг. тиражом более 300 тыс. экземпляров. Огромными тиражами издавались произведения известных

советских поэтов – Б. Ахмадулиной, Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Р. Рождественского и др.

С наступлением переходного периода затронутая ситуация с изданием и чтением книг существенно и даже радикально меняется. По социологическим опросам, 40 % людей вообще не читают, 52 % никогда не покупают книг, 34 % не имеют дома ни одной книги. В советское время 80 % семей читали детям сказки, теперь – 7 % [9]. Как отмечает А.С. Соколов, бывший министр культуры (2004-2008 гг.), «у нас уже давно не самая читающая, а самая смотрящая телевизор страна. По социологическим опросам, лишь 26 % населения регулярно читают книги, газеты и журналы» [3, с. 41-42]. Чтение перестает быть серьёзным, интеллектуальным занятием, оно теряет свой исключительный статус. Книга утрачивает свою прежнюю ценность. По статистическим данным, современный россиянин ежедневно проводит у телевизора 4 часа, работает с компьютером 1,5 часа, читает книгу 9 минут [10].

Значительно снизились число названий и особенно тиражи издаваемых книг: в 1990 г. тираж составил 1,55 млн., в 1992 г. – 1,3 млн., в 1994 г. – 594 тыс., в 1995 г. – 475 тыс., в 1996 г. – 422 тыс., в 1997 г. – 436 тыс. [1, с. 99]. За 2014 г. общий тираж изданных книг составил чуть больше 500 млн., тогда как в советское время он достигал 1,8 млрд. в год. Сегодня на одного человека у нас ежегодно издаётся примерно 3,5 книги, а в западных странах – 6-7 книг [1, с. 99]. С советских времен выпуск книг сократился в 6 раз. Существенно снизилось качество издаваемой литературы, на передний план вышел развлекательный жанр (детектив, фантастика), упал выпуск классики: в 1993 г. общий тираж «Анжелики» превзошел тиражи Толстого, Достоевского, Пушкина и Чехова, вместе взятых. Резко возрос выход эротических и порнографических изданий.

В 90-е годы прежняя система распространения книг была разрушена. Резко сократилось и продолжает сокращаться число книжных магазинов. В городах до 50 тыс. жителей отдельных книжных магазинов нет, есть только книжные отделы в торговых центрах. В Москве на 1 млн. населения приходится 10 книжных магазинов, тогда как в Великобритании – 47, Канаде – 56, Финляндии – 70 [10]. Поэтому многие издательства часто вынуждены сами заниматься сбытом своей продукции. Поскольку большинство издательств находится в Москве и Санкт-Петербурге, примерно 30 % их продукции остается в этих городах, 40 % изданий не доходит до Урала, не говоря о Сибири и тем более о Дальнем Востоке. Высокая и постоянная инфляция

исключает возможность использования предварительно оплаченных заказов на книги читателями. К тому же резко снизилась покупательная способность наиболее активных читателей – интеллигенции и учащейся молодежи.

С книгами неразрывно связаны библиотеки, которые являются исключительно важными учреждениями культуры. В переходный период они оказались в особом положении: библиотеки фактически остались единственными учреждениями, которые обеспечивают бесплатный доступ к знаниям и информации. Они также берут на себя функции и роль культурных центров, организующих досуг людей. Видимо, поэтому при уменьшении общего числа библиотек с 62,6 тыс. в 1990 г. до 52,9 тыс. в 1997 г. число читателей в них увеличилось соответственно с 53,7 млн. до 55,1 млн. [1, с. 89]. С целью укрепления положения библиотек в 1994 г. был принят Федеральный закон «Об обязательном экземпляре документов», который обеспечивает сохранность документов и их использование библиотеками страны, а также Федеральный закон «О библиотечном деле», гарантирующий гражданам право на получение бесплатных библиотечных услуг.

Однако, несмотря на принимаемые меры, общее состояние дел в библиотеках ухудшается. В первую очередь это касается книжных фондов: они не обновляются и практически не растут. В 1997 г. по сравнению с 1993 г. закупка библиотеками новой литературы сократилась более чем в 2 раза [1, с. 89]. Приобретение зарубежной научной литературы в 90-е годы уменьшилось ещё больше. Так что в результате постоянного недофинансирования состояние библиотечных фондов ухудшается, а в ряде библиотек становится критическим [1, с. 90].

В 2000-е годы общее положение библиотек продолжает ухудшаться, их число неуклонно сокращается. Даже в Москве на 20 тыс. населения приходится 1 библиотека, тогда как в Великобритании – 10, Канаде – 10, Финляндии – 22. По данным «Левада-Центра» за последние 7 лет было закрыто более 5 тыс. библиотек [10].

С конца 80-х годов в российских библиотеках началось внедрение информационных и компьютерных технологий, что является одним из приоритетных направлений. Много уже сделано, но процесс ещё далёк от завершения. Особо сложной остается ситуация с библиотеками в сельских районах. В целях создания единой стратегии информатизации библиотечного дела разработана и реализуется программа общероссийской информационно-библиотечной компьютерной сети Либ-

нет. Расширяется сотрудничество с зарубежными информационными центрами.

Театр является одним из главных учреждений культуры. Лучшие годы российского театра приходятся на послевоенное советское время. Тогда работали такие знаменитые театры, как Большой драматический театр Г. Товстоногова, театр «Современник» О. Ефремова, Театр на Таганке Ю. Любимова, которые приобрели широкую известность и популярность не только в стране, но и за рубежом. Успешно работали и многие другие театры.

В переходный период вхождение театра в рыночные отношения оказалось для него менее драматичным и болезненным, чем для кинематографа или книгоиздания, хотя и не без потерь. Этому способствовали многие принятые на государственном уровне постановления о культуре и театре. В частности, в 1991 г. было одобрено «Положение о театре в Российской Федерации», которое избавляло творческую жизнь театра от административно-командных методов управления и идеологического давления, а также освобождало от чуждых искусству экономических требований. Другое постановление «О принципах государственного финансирования государственных и муниципальных театров в РСФСР» предохраняло процесс художественного воплощения творческих замыслов от его коммерциализации. При этом предусматривалась также достойная оплата труда работников театра.

В этом плане в рамках государственной службы занятости была создана Театральная биржа, предназначенная заниматься вопросами трудоустройства и переподготовки театральных работников. Эта система социальной защиты включает информационную структуру, обеспечивающую актеров сведениями о вакансиях, а театры – об ищущих работу актерах, а также Театральный фонд занятости, осуществляющий доплаты к государственному пособию временно безработным театральным работникам.

Средствами осуществления данной театральной политики выступают «целевые социально-творческие заказы на создание драматических и музыкальных произведений, постановку спектаклей, проведение гастролей, участие в фестивалях и смотрах, установление льготных цен на билеты, а также поддержка инновационных форм театральных организаций и любых других целей, способствующих развитию театра как вида искусства и социального института» [1, с. 62]. Одной из конкретных и действенных форм помощи театру является целевое финансирование спектаклей.

В 90-е годы общее число всех театров, включая театры оперы и балета и театры для детей, возрос-

ло – с 374 в 1990 г. до 487 в 1997 г. Исключение составили только театры музыкальной комедии, число которых за тот же период уменьшилось с 15 до 12 [1, с. 63]. Однако число спектаклей существенно сократилось – с 139,2 тыс. в 1990 г. до 106,5 тыс. в 1997 г. Число зрителей уменьшилось ещё больше, практически в 2 раза – с 53,9 млн. в 1990 г. до 26,8 млн. в 1997 г. [1, с. 63]. В целом интерес зрителей к театру значительно упал. Даже в Москве лишь нескольким театрам удаётся собирать на спектакли полный зал зрителей, да и то не каждый раз. К тому же финансовые трудности вынуждают многие театры резко сокращать гастроли, выезды на село и другие убыточные виды работы.

Особое беспокойство вызывает судьба детских театров. Дело в том, что в начале 90-х годов прежние ТЮЗы (Театры юного зрителя) были модернизированы, вследствие чего они были переименованы, а их репертуар существенно пересмотрен. Примером в этом плане может служить Центральный детский театр (ЦДТ), который был одним из лучших детских театров и который теперь стал Российским академическим молодежным театром (РАМТ). Такой демарш обосновывался тем, что современные дети якобы мало чем отличаются от взрослых, они все понимают, их надо активнее и быстрее вводить во взрослую жизнь, поэтому использование применительно к ним термина «детский» выглядит несовременным. Другой мотив был связан с желанием реформаторов избавиться от всего советского. В репертуаре РАМТ действительно «теперь нет ничего детского: «Людоедик», «Как я стал идиотом», «Приглашение на казнь», «Чисто английское привидение» [11]. В нем уже нет «Синей птицы» М. Метерлинка, через которую раньше «проходили» чуть ли не все московские школьники. Даже там, где прежнее название ТЮЗ сохранилось, репертуар приобрёл коммерческий характер, что по-особому ярко видно в дни школьных каникул, когда в театрах торжествуют пустые и бездумные шоу, ориентирующие детей на потребление и развлечение.

Вообще в детских театрах наблюдается тенденция к уходу от детей, которая проявляется по-разному. В Московском Центральном театре кукол имени С.В. Образцова, который приобрел мировую славу именно детскими постановками, идёт спектакль «Дюймовочка». Однако режиссёр и художник ставили его не столько для шестилетних детей, на что указывает афиша, сколько для своих коллег – актеров, режиссеров, художников, чтобы получить от них высокую оценку и всё то, что за этим следует – призы, премии, награды. Детский театр тогда отказывается от просветительной и воспи-

тательной функции, от функции социализации или человекотворчества, главной функции культуры, оставляя растущего человека асоциальным, со всеми будущими последствиями.

Музеи традиционно образуют важную составляющую культурного наследия. Они рассматриваются как некоммерческие учреждения культуры, созданные для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и коллекций. Музеям, как правило, уделяется много внимания, и они чувствуют себя достаточно уверенно. Они представляют собой сложную сеть, включающую девять основных видов. Их делят на государственные и ведомственные. Выделяют также общественные музеи, создаваемые коллективами предприятий, учреждений и учебных заведений. В последние годы в России появились частные музеи, хотя их количество нельзя назвать значительным. Музеи составляют 32 из 60 особо ценных объектов.

Лучшие годы музеев, как и других секторов культуры, приходится на послевоенное советское время, когда Советский Союз переживает настоящий музейный бум. Особенно это касается художественных музеев, по поводу которых специалисты в 1970-е годы вели подсчеты: через сколько лет посетители музеев сотрут их паркетные полы. Чтобы отдалить этот срок, посетителям выдавались специальные бахилы.

Наибольшими по численности в музейной сети были и остаются комплексные и исторические музеи, за которыми следуют художественные. В целом численность музеев в 90-е годы заметно возросла. Общее число музеев увеличилось с 1257 в 1990 г. до 1801 в 1997. Число исторических музеев за тот же период увеличилось с 270 до 353, художественных – с 179 до 260, искусствоведческих – с 19 до 39, литературных – с 131 до 142, естественно-научных – с 15 до 21, комплексных – с 604 до 935. Число отраслевых музеев осталось без изменения – 12, технических музеев уменьшилось – с 13 до 11, архитектурных музеев уменьшилось ещё больше – с 14 до 5. Общее число посещений (индивидуальных и экскурсионных) также несколько уменьшилось – с 89 млн. до 62 млн. [1, с. 84]. В последующие годы положение музеев в целом оставалось достаточно благополучным. Наблюдается даже тенденция некоторого роста музейной сети, хотя темпы её замедлились.

Устойчивому положению музеев способствовал принятый в 1996 г. Закон «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», предполагающий обеспечение юридической и экономической защиты и безопасности музеев, а также сохранение культурных ценностей

через создание музейных коллекций. Закон устанавливает единый порядок учета и хранения Музейного фонда, юридически закрепляет права и обязанности государства и других собственников и пользователей музейного фонда. В законе уточняются условия предоставления государством налоговых и иных льгот музеям, а также особых форм поддержки государственных музеев, создание наиболее благоприятных условий для деятельности крупнейших национальных музеев страны.

В переходный период суровые испытания выпали на долю русского языка и литературы, которые составляют базис культуры. Язык, литература и культура органически связаны между собой и взаимно усиливают друг друга. Для русского языка главная угроза связана с экспансией англо-американского языка, который благодаря экономической и культурной глобализации стал универсальным и доминирующим. Положение русского языка в мире значительно ухудшилось и продолжает ухудшаться. Даже в странах ближнего зарубежья, в бывших республиках Советского Союза, он теряет свои позиции. Внутри страны русский язык утрачивает свое качество и чистоту, он упрощается и обедняется, засоряется разного рода жаргонами, включая жаргон криминального мира, перегружается лексикой англо-американского языка. Оруэлловский новояз активно преследует русский язык. Существенно упала культура речи. Русский язык теряет свое внутреннее богатство, становится плоским и одномерным, он сводится к коммуникативной функции, утрачивая функцию выражения.

Относительно современного положения русского языка можно выделить два основных взгляда. Сторонники первого, либерального (во многом официального) полагают, что ничего опасного с русским языком не происходит: так было всегда. Они полагают, что русский язык развивается или просто изменяется. Он всегда, по их мнению, успешно справлялся с любыми трудностями. Сторонники второго подхода, напротив, выражают глубокое беспокойство о состоянии и будущем русского языка. Они считают, что русский язык нуждается в настоящей защите.

Для России примером в этом плане может служить Франция, которая в 1994 г. приняла очередной (пятый) так называемый закон Тубона – «Закон об использовании французского языка», который существенно ограничивает использование иностранной лексики. Франция активно борется за сохранение и развитие французского языка. Она официально, на государственном уровне поддерживает международную организацию «Франкофония», выступает против гибридных языковых

форм «франгле» или «френглиш», против «креолизации» языков.

В нашей Думе в течение нескольких лет разрабатывался проект закона «О защите русского языка», однако принятый в итоге закон «О государственном языке Российской Федерации» (2005) вызывает разочарование, поскольку никакой действительной защиты языка он не предполагает. Выдвигалась также идея создать, по примеру «Франкофонии», международную организацию «Русофония», однако возникшая премия «Русофония» (2006) касается лишь переводов художественных книг с русского языка на французский. Тем не менее, сторонники жестких мер считают, что «все равно придется на государственном уровне принимать закон о защите русского языка», поскольку «в стране происходит выдавливание русского языка из жизни общества» [12, с. 28].

Для русской литературы переходный период также оказался тяжелым испытанием. Она понесла большие потери. Русская литература всегда была больше, чем литература. Можно сказать, что русская культура является литературоцентричной. Русская философия во многом нашла свое выражение и воплощение в литературной форме. В этом у нас сходство с французской философией. Русская культура утвердилась в мировой культуре в первую очередь благодаря двум великим писателям – Ф. Достоевскому и Л. Толстому. Т. Манн заявлял: «русская литература – чудо духовной культуры».

В переходный период наша литература оказалась в глубоком кризисе, её уровень резко упал. Наиболее очевидно это проявляется в поэзии. Рассматривая современную поэзию, критик А. Адехин отмечает, что «ни про одного из живущих поэтов с абсолютной гарантией сказать, что они и есть **золотой запас** – невозможно» [13, с. 102]. Он также указывает на то, что хотя все направления и все жанры налицо, но нет ничего специфически нового для XXI века, нет поэтических имен и величин, значимых творений.

Одну из причин такого положения он видит в деградации «толстых» литературных журналов, которые находятся на грани закрытия и без которых не складывается необходимая творческая атмосфера. Основную причину критик усматривает в том, что «индустрия масскульта поглощает буквально всё, стирая все признаки индивидуальности, что личной, что национальной. Это та же самая глобализация, которая возможна только при массовом производстве» [13, с. 85]. Современная поэзия работает на рекламу, на это воплощение тотального обмана и манипулирования. Она стала служанкой торговли. Более чудовищной коммер-

циализации искусства представить невозможно. К сказанному следует добавить то, что внутри бывшего Союза писателей также царит далеко не творческая атмосфера: он распался на 7 самостоятельных союзов, из него также возникло Литературное общество, Общество графоманов и множество других групп и объединений, которые не всегда находятся в дружеских отношениях.

Вместе с тем нельзя согласиться с вопросом, поставленным английским журналистом О. Мэтьюзом в своей статье «Русская литература мертва?», опубликованной в американском журнале *Foreign Policy*?, – если этот вопрос является риторическим. Русская литература, конечно, не мертва. Но она переживает глубокий кризис. Последний её взлет, высочайшие достижения, особенно в поэзии, приходится на послевоенный советский период, на 1960-е – 80-е гг. На данный момент русская литература находится примерно на том же уровне, или несколько ниже, что и западная литература, для которой этот уровень давно уже стал нормой.

В последние годы отношение к культуре понемногу и постепенно меняется в лучшую сторону. 2014 г. был объявлен Годом культуры, а 2015 г. – Годом литературы. Разработан важный юридический документ «Основы государственной культурной политики». Культуре уделяется все больше внимания, её роль и значение всячески подчеркивается, особенно когда речь заходит о международных отношениях. Культура действительно представляет собой «уникальный инструмент политического регулирования, который способен сглаживать межнациональные кризисы и конфликты, гармонизировать международный климат, активизировать гуманитарные процессы, объединять людей разной этнической, социально-политической, религиозной принадлежности» [14, с. 10]. Культура является главной составляющей мягкой силы, которая сегодня играет исключительную, во многом решающую роль в формировании положительного имиджа страны за рубежом.

Вместе с тем определённое усиление роли культуры и внимания к ней, как и некоторое улучшение состояния самой культуры не дают оснований полагать, что в отдалённом будущем положение культуры существенно улучшится. Дело в том, что до недавнего времени в центре внимания находилась традиционная культурная политика, главным и по существу единственным субъектом которой выступает государство. В этом плане многое удалось сделать. Однако если все оставить как есть, то культурная политика будет оставаться неустойчивой, она по-прежнему будет финансироваться по остаточному принципу, над ней всегда

будет висеть дамоклов меч недофинансирования. Такое положение обусловлено тем, что государство находится под жестким давлением и контролем со стороны неолиберализма и рыночного фундаментализма, которые рассматривают его как неизбежное зло, которое следует свести к минимуму.

Поэтому на передний план выходит ускоренное формирование новой культурной политики с привлечением новых субъектов по её реализации, связанных с бизнесом. Важное место в этой политике должно занять социальное, государственно-частное партнерство в сфере культуры, которое определяется как «совместная деятельность, основанная на равных правах и обязанностях, направленная на достижение общей цели» [3, с. 57]. Оно означает равноправное сотрудничество организаций государства и бизнеса в решении социокультурных задач.

Следует отметить, что европейские страны уже длительное время и достаточно широко используют различные формы государственно-частного сотрудничества в области культуры. В России практика взаимодействия государства и бизнеса пока находится на стадии становления, она имеет поисковый и во многом спонтанный характер. У нас «участие бизнеса в развитии и сохранении культурного наследия не получило широкого распространения» [3, с. 73]. К тому же представители культуры и искусства не всегда проявляют должный интерес к установлению связей с бизнесом.

Однако основная причина или вина в этом лежит на бизнесе. У российского бизнеса нет полного и глубокого осознания социальной ответственности, он ещё не проникся в должной мере идеей необходимой и неотложной поддержки культуры. Пока он часто не может подняться над своим интересом к прибыли. Польза у него идёт впереди красоты и духовности. В качестве примера можно указать на реставрацию дворцово-паркового ансамбля в Царицино. Здесь модернизация оказалась слишком радикальной, она поглотила реставрацию. В результате во многом получился новодел.

Однако, если иметь в виду, что в нашей стране государственное финансирование культуры в целом исчерпало свои возможности усиления и сегодня фактически застыло на мертвой точке, «участие капитала в культурных проектах – это не дань времени, не вопрос получения прибыли, а разрешение проблем, тормозящих развитие культуры» [3, с. 75]. Заметим, что в странах Европы доля бизнеса в финансировании многих культурных проектов достигает 20-30 % и даже 100 %.

Сотрудничество культуры и бизнеса выступает в нескольких основных формах: благотвори-

тельность и меценатство, спонсорство, инвестиции в культуру. Разновидностью благотворительности являются фонды, получившие широкое распространение и ставшие традиционными в США. Другими формами государственно-частного партнерства в области культуры являются разного рода договоры, сдача в аренду, концессия и доверительное управление объектов культуры. В последнее время весьма популярными стали всевозможные гранты. Существует также приватизация, но она представляется рискованной и опасной, поскольку наш бизнес часто нарушает и не выполняет взятые на себя обязательства.

В России названные и другие формы и модели, включая приватизацию объектов культуры, в той или иной мере используются, хотя процесс взаимодействия культуры и бизнеса идёт медленно и успешно осуществленных проектов пока немного. Тем не менее, в стране создана система грантов, которая включает в себя гранты Президента и Правительства, а также гранты, учреждаемые на уровне субъектов Российской Федерации. Общий объём средств, выделяемых на выплату грантов только на федеральном уровне, составляет около 2 млрд. руб. У нас есть национальный фонд «Возрождение русской усадьбы». В течение длительного времени действует благотворительный фонд Потанина, который в форме грантов помогает Эрмитажу проводить реставрационные работы. В осуществлении различных культурных проектов участвуют такие крупные компании, как «Аэрофлот», «Альфа-Банк», «ВТБ», «Газпром», «Росбанк», «Северсталь» и др.

Список литературы:

1. Культурная политика России. История и современность. Два взгляда на одну проблему / Отв. ред.: И.А. Бутенко, К.Э. Разлогов. М.: Либерия, 1998. 296 с.
2. Куценко В.А., Попова Ю.В. Культура и культурная политика России в условиях системной трансформации и модернизации: вопросы теории и практики. Воронеж: ФГБОУ ВПО Воронежский ГАУ, 2014. 419 с.
3. Белозор А.Ф., Белозор Ф.И. Культурная политика России: Взаимодействие государства и бизнеса. Брянск: Изд-во Брянский филиал ОРАГС, 2009. 168 с.
4. Бердяев Н. Философия неравенства. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 347 с.
5. Абакина Т.В., Куштанова Е.В., Романова В.В., Рудник Б.Л. Государственная поддержка культуры в России: научный доклад. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 181 с.
6. Конституция Российской Федерации. С изм. и доп. на 2015 г. с комментариями юристов. М.: Эксмо, 2015. 80 с.
7. Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». 2-е изд. М.: Ось-89, 2008. 32 с.
8. Сидоров Е.Ю. Культура мира и культура России // Полис. 1998. № 5.
9. Поляков Ю. Писатели и пипы // Литературная газета. 14.12.2005. № 52(6051).
10. Дмитриев С. Страшно представить Россию без книжных магазинов // Литературная газета. 18.02.2015. № 7(6497).
11. Кузнецова А. «Медя» для юного зрителя // Литературная газета. 14.05.2014. № 19(6462).
12. Липатов А.Т. «Мы все говорим телеграф-языком...» Мир аббревиатур вчера, сегодня, завтра: монография. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2011. 204 с.
13. Алёхин А. «Поэзия – это любовь в широком смысле слова» // Вопросы литературы. 2012. № 1.
14. Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Внешняя культурная политика России и зарубежных стран: учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. 317 с.

Положительный опыт государственно-частного сотрудничества в сфере культуры имеется и на региональном уровне. Конкретным примером в этом плане является осуществляемая целевая программа Тверской области «Возрождение тверских усадеб». У этой области есть также опыт передачи объектов культуры в доверительное управление. Особого выделения заслуживает деятельность «Социального партнерства в развитии Брянской области», финансируемого частными источниками, которое инвестировало реконструкцию Театра юного зрителя в Брянске, проведение конкурса «Одарённые дети», фестиваль «Юные дарования Брянщины», финансировало закупку книг для библиотек, гастроль Театра юного зрителя по сельским районам и др.

Однако такие явления все-таки представляют собой скорее исключения. В деле финансирования культуры частный бизнес пока ещё значительно уступает государственному финансированию. Тем не менее общая ситуация постепенно меняется, число новых субъектов культурной деятельности растёт. Сотрудничество учреждений культуры с различными бизнес-сообществами расширяется, оно приобретает все новые формы. Начинает увеличиваться количество и качество контактов представителей бизнеса со сферой культуры и искусства, они проявляют в этом растущий интерес. От разовых акций и отдельных мероприятий бизнес переходит к хорошо организованным системам. Главной опасностью на этом пути выступает коммерциализация культуры и искусства.

References (transliteration):

1. Kul'turnaya politika Rossii. Istoriya i sovremennost'. Dva vzglyada na odnu problemu / Otv. red.: I.A. Butenko, K.E. Razlogov. M.: Libereya, 1998. 296 s.
2. Kutsenko V.A., Popova Yu.V. Kul'tura i kul'turnaya politika Rossii v usloviyakh sistemnoi transformatsii i modernizatsii: voprosy teorii i praktiki. Voronezh: FGBOU VPO Voronezhskii GAU, 2014. 419 s.
3. Belozor A.F., Belozor F.I. Kul'turnaya politika Rossii: Vzaimodeistvie gosudarstva i biznesa. Bryansk: Izd-vo Bryanskii filial ORAGS, 2009. 168 s.
4. Berdyaev N. Filosofiya neravenstva. M.: AST: Khranitel', 2006. 347 s.
5. Abakina T.V., Kushtanina E.V., Romanova V.V., Rudnik B.L. Gosudarstvennaya podderzhka kul'tury v Rossii: nauchnyi doklad. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2014. 181 s.
6. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii. S izm. i dop. na 2015 g. s kommentariyami yuristov. M.: Eksmo, 2015. 80 s.
7. Zakon Rossiiskoi Federatsii «Osnovy zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii o kul'ture». 2-e izd. M.: Os'-89, 2008. 32 s.
8. Sidorov E.Yu. Kul'tura mira i kul'tura Rossii // Polis. 1998. № 5.
9. Polyakov Yu. Pisateli i pipy // Literaturnaya gazeta. 14.12.2005. № 52(6051).
10. Dmitriev S. Strashno predstavit' Rossiyu bez knizhnykh magazinov // Literaturnaya gazeta. 18.02.2015. № 7(6497).
11. Kuznetsova A. «Medeya» dlya yunogo zritelya // Literaturnaya gazeta. 14.05.2014. № 19(6462).
12. Lipatov A.T. «My vse govorim telegraf-yazykom...» Mir abbreviatur vchera, segodnya, zavtra: monografiya. Ioshkar-Ola: Mar. gos. un-t, 2011. 204 s.
13. Alekhin A. «Poeziya – eto lyubov' v shirokom smysle slova» // Voprosy literatury. 2012. № 1.
14. Bogolyubova N.M., Nikolaeva Yu.V. Vneshnyaya kul'turnaya politika Rossii i zarubezhnykh stran: uchebnoe posobie. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2008. 317 s.